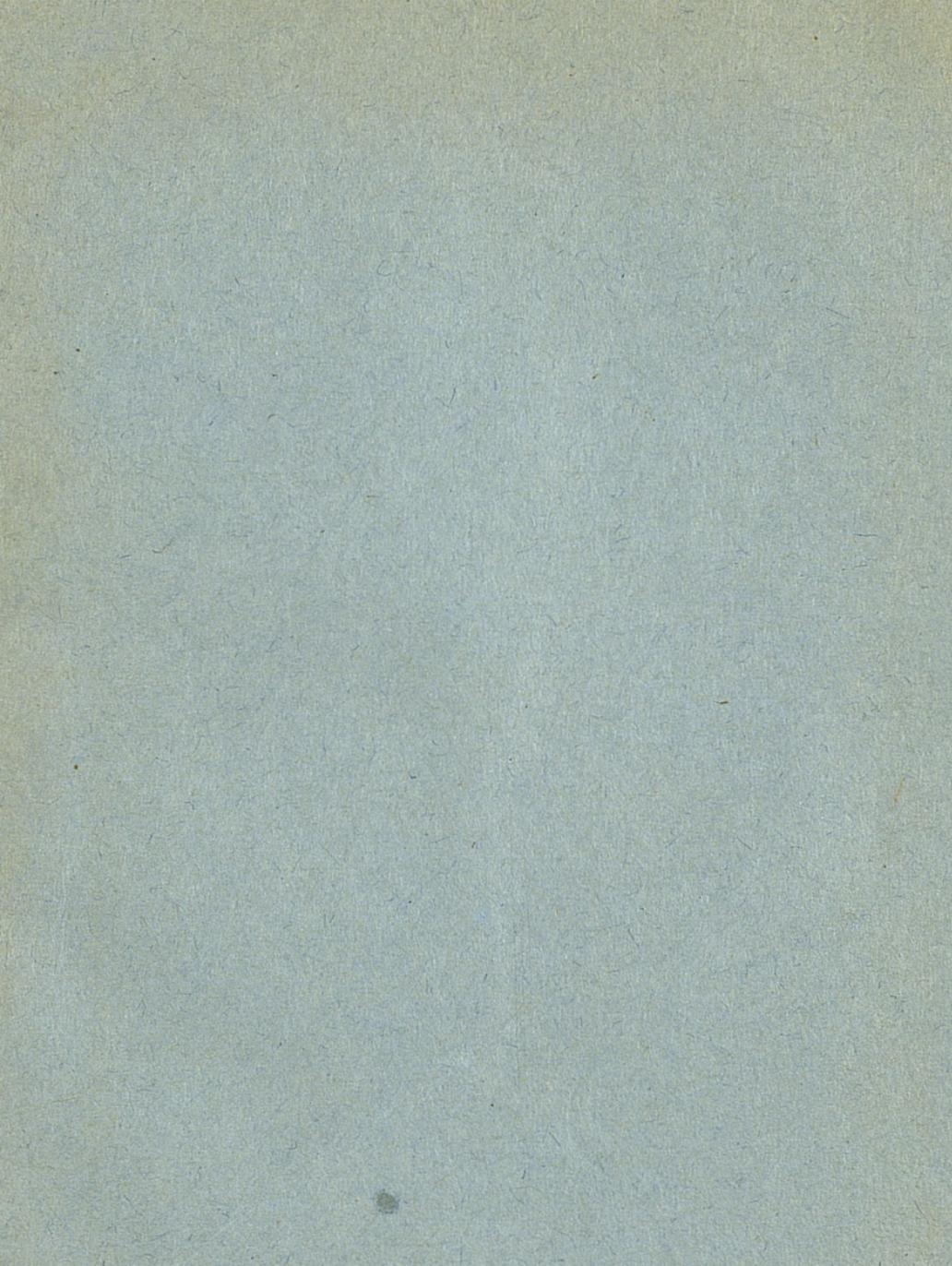
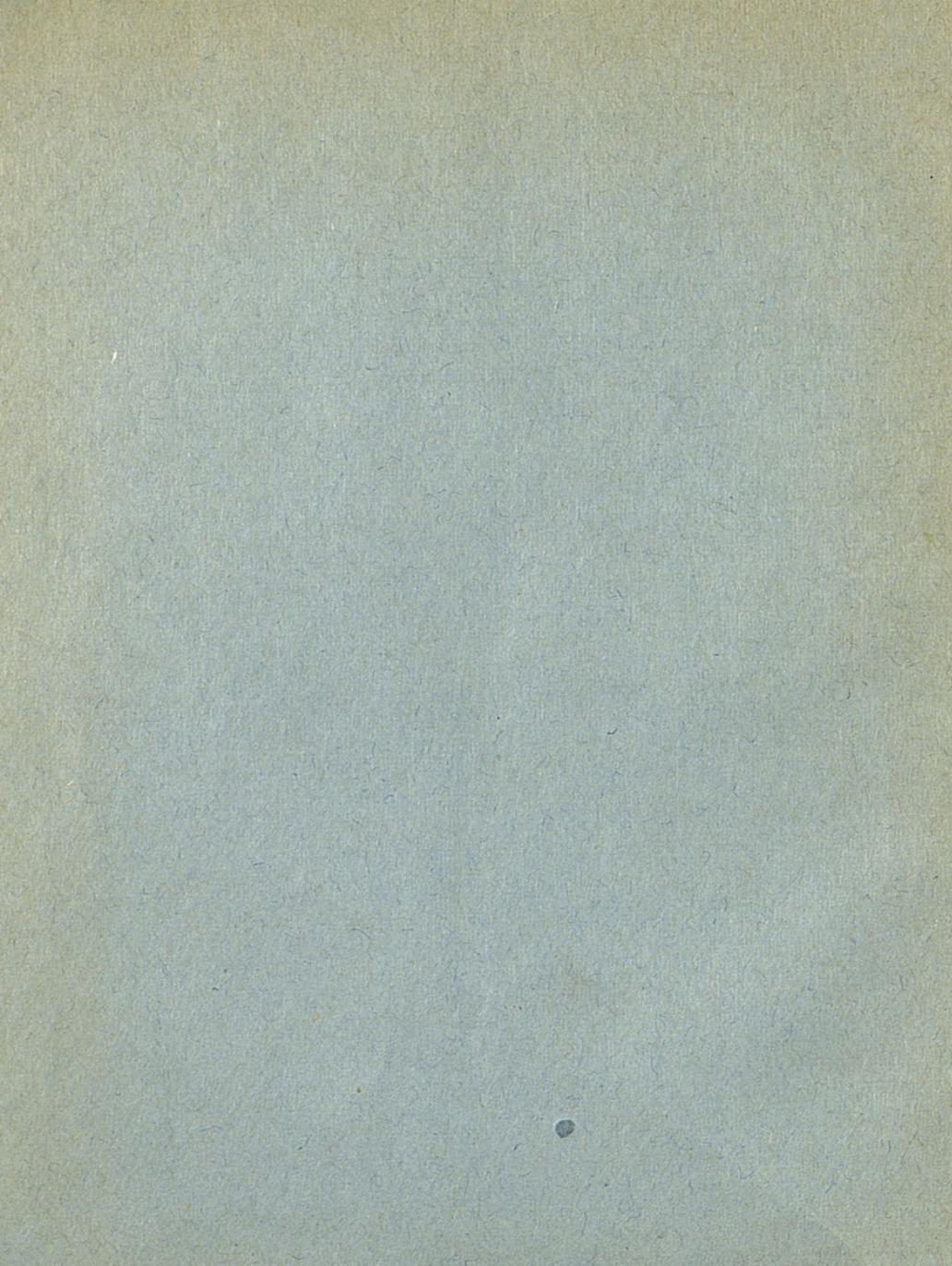

A 245
653

ДОБРЫЯ ДУШИ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

К. М. Стачковичъ.

КАКЪ БОГА ВСПОМИНАЛИ.

(НА ПРОВОРНОМЪ).

Издание книгопродавца М. В. Клюкина.

Добрыя души.

Чтеніе для дѣтей и для народа.

- № 1. **Смирновъ, Ил.** „Утро“. Разск. Съ рис. М. 98 г. Ц. 5 к.
- № 2. **Васильевъ, М.** „Наша бабушка Анна Максимовна“. Ц. 3 к.
- № 3. **С. Н.** „Дядя Тить Антоновичъ учить, какъ надо любить ближняго“. М. 98 г. Ц. 5 к.
- № 4. **Оржешко, Эл.** „Приключеніе Яся“. Разск. для дѣтей. Съ 5 рис. М. 98 г. Ц. 10 к.
- № 5. **Кругловъ, А. В.** „Зеленый домикъ“. Правдивая исторія. Съ рис. Изд. 2-е М. 97 г. Ц. 5 к.
- № 6. **Васильевъ, М.** „Нелюдимый“. Разск. былъ. Съ рис. Ц. 5 к.
- № 7. **Михайловскій, Д. Л.** „Доброе слово пастыря“. Эпизодъ изъ временъ отечественной войны. Съ 1 рис. Изд. 3-е Ц. 3 к.
- № 8. **Сальниковъ.** „Антонъ рыбакъ“. Разск. съ 3 рис. М. 96 г. Ц. 5 к.
- № 9. **Васильевъ, М. І.** „На шалыгѣ“. П. „Въ перелѣскѣ“. Два разск. съ 6 рис. М. 96 г. Ц. 5 к.
- № 10. — „Простой человѣкъ“. Разск. съ 3 рис. М. 95 г. Ц. 5 к.
- № 11. **Сысоевъ В.** „Васяткино письмо“. Разск. съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.
- № 12. **Филипповъ, Н. Н.** Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. Истор. разск. Съ 2 рис. Изд. 3-е М. 94 г. Ц. 3 к.
- № 13. **Смирновъ Ил.** „Деревенская школа“. Разск. Съ рис. М. 98. г. Ц. 30 к.
- № 14. **Ладыженскій, В. Н.** „На пашнѣ“. Разск. и сказ. Съ 3 рис. Ц. 7 к.
- № 15. **Филипповъ, Н. Н.** „Защитники и молитвенники земли русской“. Истор. разск. Ц. 5 к.
- № 16. **Покровскій, И** „Послѣ раздѣла“. Разск. Съ 2 рис. Изд. 2-е Ц. 5 к.
- № 17. **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** „Душевный человѣкъ“. Разск. Ц. 3 к.
- № 18. **Кругловъ, А. В.** „Елка въ царствѣ звѣрей“. Разск. Съ 5 рис. Изд. 2-е Ц. 5 к.
- № 19. „Божій человѣкъ“. Раз. М. 96 г. Ц. 10 к.
- № 20. **Амичсь.** „Апеннины и Анды“. Пов. М. 99 г. Ц. 15 к.
- № 21. **Позняковъ, Н.** „Трофимъ болящій“. Разск. Съ рис. Изд. 5-е Ц. 5 к.
- № 22. **Полевой, Н. А.** „Дѣдушка русскаго флота“. „Параша Сибирячка“. М. 99 г. Ц. 15 к.
- № 23. „Повѣсть о суздальскомъ князѣ Симеонѣ“. М. 99 г. Ц. 15 к.
- № 24. **Уйда.** „Приключенія маленькаго графа“. Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 15 к.
- № 25. **Доде, Ал.** „Изъ писемъ съ мельницы“. Ц. 20 к.
- № 26. **Зандъ, Ж.** „Крылья мужества“. Ц. 25. к.

А 245/653

ДОБРЫЯ ДУШИ
ЧТЕНІЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА

К. М. Станюковичъ

КАКЪ БОГА ВСПОМИНАЛИ

(НА ПРОВОРНОМЪ)

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРАГО БОЦМАНА

Съ рисунками въ текстѣ

МОСКВА

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. Моховая, д. Бенкендорфъ.

1904.

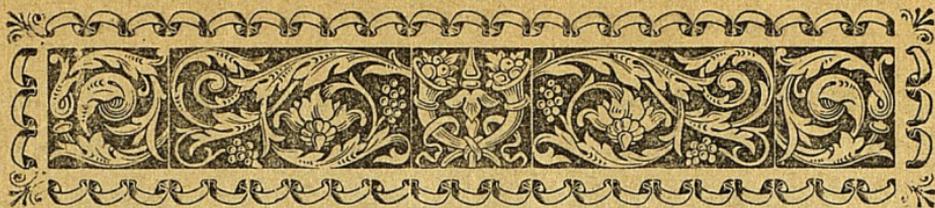

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Мая 1902 года.

2007067265

Первая женская типографія Е. К. Гербекъ. Москва, 2-я Мѣщанская, д.

КАКЪ БОГА ВСПОМИНАЛИ

(На „Проворномъ“).

I.

— Скажи пожалуйста, какой генералъ! Распустилъ хвостъ и полагаетъ о себѣ! Много въ тебѣ ума видѣли... Глупая кура и та понимаетъ, какой ты глупый... А поди-ка! Какой важный!

Эта ворчливая рѣчь Нилыча однажды раннимъ утромъ донеслась отъ сарая до балкона.

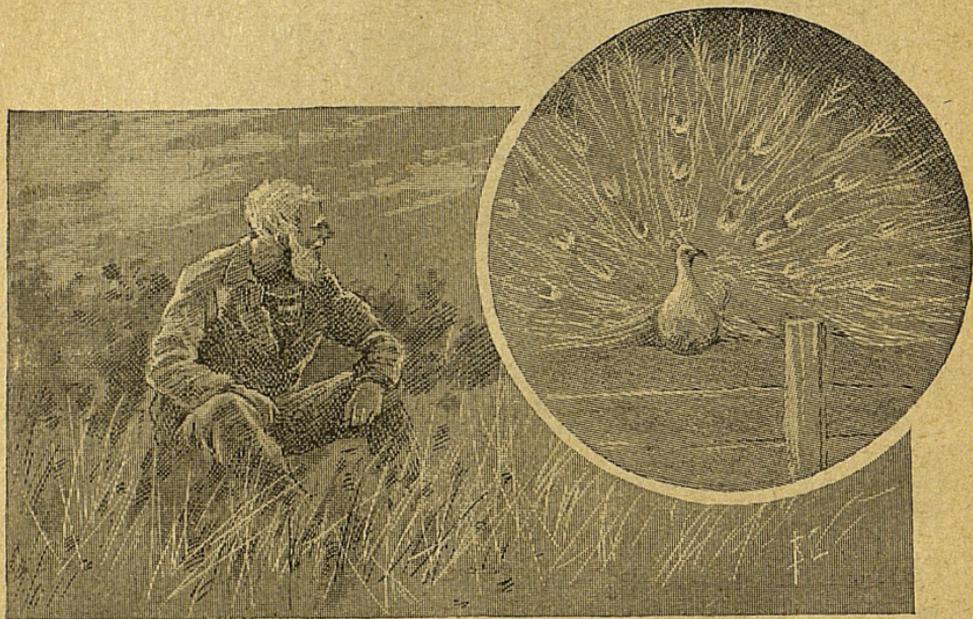
Я не догадался, съ кѣмъ разговариваетъ Нилычъ. Около Нилыча ни души.

Кудластый, къ которому Нилычъ иногда обращался, сидѣлъ около балкона, ожидая обычной подачи: нѣсколько кусковъ булки и куска сахара.

Акцына еще не собирала на столъ, и Кудластый часто поглядывалъ на кухню.

Прошла минута, другая, и Нилычъ проговорилъ:

— Много такого народа изъ вашего званія! Одѣлся во весь парать... Вотъ, молю, я какой!.. А что въ тебѣ есть, кромѣ что хвостъ... Форменный дуракъ и есть!

Я заинтересовался, кого это Нилычъ отдѣлываетъ, и пошелъ къ сараю.

— Съ кѣмъ это вы разговариваете, Нилычъ?— спросилъ я послѣ привѣтствія съ добрымъ утромъ.

— А вотъ съ эстимъ самымъ дуракомъ, вашескобродіе!

Нилычъ указаль коротко остриженной сѣдой головой на сидѣвшаго на заборѣ красавца-павлина съ распущеннымъ яркимъ хвостомъ. И не безъ раздраженія прибавиль:

— Очень воображаетъ, вашескобродіе!

— Такой птицы не любите, Нилычъ?

И я присѣлъ на другомъ обрубкѣ около сарая.

— За что ее любить?..

И черезъ минуту сказалъ:

— А главная причина, вашескобродіе, что смотрю на нее, и въ головѣ понятіе: „Положимъ: ты глупая птица и никого не обижаешь... А ежели взять въ рассудокъ человѣка вродѣ какъ павлина?“

— Видали такихъ людей?

— То-то попадались на своемъ долгомъ вѣку. Еще павлинистѣй этого павлина бываютъ люди, вашескобродіе. И не подступись: фу, ты, на! Я, молъ, о себѣ очень понимаю. И вы всѣ прочіе меня такъ понимайте и бойся!.. Но только по флотской службѣ это никакъ не годится!—неожиданно прибавиль Ни-

лычь и рѣшительно пыхнулъ дымкомъ махорки изъ своей трубочки.

— Почему?

— А по тому самому, что ты не на сухопутьѣ, павлинь... Кругомъ вода... Хвостъ-то подмочить. Чуть ежели море себя окажетъ, такъ весь форцъ собьетъ... Не полагай о себѣ, сдѣлай одолженіе! И вѣдь во-все окажется мокрѣй мокрой курицы... Знавалъ я, вашескобродіе, одного командира Нельмина, Андрея Николаича. Можетъ знали, вашескобродіе?

— Нѣтъ.

— Слыхали, можетъ?

— И не слыхалъ.

— Подъ судомъ былъ... Но строгой лезорюціи не вышло... Только уволили отъ флотской службы. На сухопутную службу перешель.

— За что судили?

— А за то, что не оказалъ своего флотскаго отчаянія, когда лѣтъ сорокъ тому назадъ на бригѣ „Проворномъ“ разбивались. И очень красивый изъ себя былъ Нельминъ. Это распустить хвостъ и во-все какъ павлинь форменный. Выйдетъ на полують,

смотреть на ученѣе и молчитъ, охорашивается. По той причинѣ матросы про себя: „Павка“ да „Павка“. А чуть замѣтитъ какую-нибудь заминку, сейчасъ старшему офицеру со всей вѣжливостью: „Будьте добры, Сергѣй Сергѣичъ, велите отполировать виновныхъ послѣ ученья!“ И еще больше распустить хвостъ... А не кричалъ и не ругался... Такъ вотъ, какъ втемяшились мы въ бѣду, „Павка“ во всей формѣ и оказалъ себя... Однако, Анцына самоваръ вамъ подала... Извольте чай кушать! — прибавилъ Нилычъ.

— А потомъ расскажите, Нилычъ, какъ вы разбивались на „Проворномъ“?

— Отчего не рассказать...

— Вы гдѣ разбились?..

— У самага „Гохлана“ *) острова, вашескобродіе... Очень даже Бога вспоминали... И не вызволь насъ Сергѣй Сергѣичъ Карякинъ... старшій офицеръ... давно бы всѣ на днѣ сгнили... Обскажу и про него, вашескобродіе, со всей охотой... Вонъ и Кудластый

*) Готландъ—островъ въ Балтійскомъ морѣ.

пришелъ васъ звать... Собака, а лукавъ шельма!.. Набаловали вы его, вашескобродіе.

Я ушелъ, сопровождаемый Кудластымъ на балконъ.

Черезъ полчаса, когда я и Нилычъ напились чаю, хозяйка уже поднялась и „нудила“ Акцыну и Карпо. Я пошелъ въ сарай.

Нилычъ съ сердцемъ закрылъ двери сарая и проговорилъ:

— По крайности не услышимъ, вашескобродіе, какъ зудить эта укусуная!

И, затаившись махоркой, выбилъ трубку, спряталъ ее въ карманъ штановъ, присѣлъ на своей койкѣ и началъ.

II.

— Назначень я былъ на бригъ „Проворный“ первогодкомъ. Совсѣмъ, значить, вродѣ желторотаго галченка по флотской части я увидалъ море. Всего заливъ Финскій, а, не бойсь, сердитый осенью... И ходи по немъ съ большимъ умомъ... Знаете, вашескобродіе, сколько острововъ, мелей да банокъ?

Того и гляди напорешься. И спервоначала зря, безъ всякаго разсудка я опасался моря. Однако, вижу кромѣ первогодковъ никто не боится... И флотскаго боя опасался. Боцманъ Арсентьичъ на „Проворномъ“ былъ очень скоръ по характеру. И требовалъ, чтобы первогодокъ былъ скоръ на флотское понятіе. И входили въ понятіе. Булакъ-то у Арсентьича былъ форменный... А не куражился передъ матросомъ. Заступался за насъ передъ офицерами... Не боялся, ежели его и самого за то накажутъ... И чтобы клязу какую... на матроса... ни Боже, ни!

Нилычъ примолкъ на минуту и продолжалъ:

— А больше всего опасался полировки, вашескобродіе... Но только опасайся, не опасайся, а какъ счастье... И больше всего приказывалъ наказывать „Павка“. Даромъ, что никогда, не то, чтобы кричать, вродѣ какъ зарѣзанный, а даже голоса не подавалъ, а боялись „Павки“. И Богъ его знаетъ, какое было въ немъ понятіе, чтобы при всей обходительности и тихости, а иногда просто зря, изъза пустячнаго дѣла, обезкураживать команду. И упрямый былъ... „А это, говоритъ, я наказываю для

порядка“... И очень полагалъ о себѣ преотличнымъ капитаномъ. Все самъ да самъ. И со старшимъ офицеромъ — командиръ бывало надуется. „Павка“ и есть. А Сергѣй Сергѣичъ, старшій офицеръ и „молдца“ по службѣ былъ и рѣдко, когда самъ прописывалъ полировку. Жалѣлъ матроса. А больше побьетъ и простить. И билъ съ большимъ разсудкомъ... Правильный былъ бой, не ожесточенный. По бою можно понять человѣка: какое въ немъ сердце... Со злобы или для острастки дерется... А шумѣть—шумѣлъ... И бытто самый страшный, какъ глаза выкатить, да бровь насупить. Бакенбарды такіе большіе... Пока мы первогодки были глупы, такъ думали: „гроза“! Боялись... И ругаться любилъ и ужъ какъ затѣйно ругался... Но въ скорости я понималъ Сергѣй Сергѣича, что онъ доберъ и нашимъ братомъ не брезгуетъ... И о себѣ не полагалъ... Добромъ-то его и вспомнишь. И ему покойно доживать вѣкъ... Совѣсть-то не зазреть. Не обижалъ людей.

— Развѣ вашъ Сергѣй Сергѣичъ живъ? — спросилъ я.

— Отчего ему умирать, вашескобродіе!—не безъ

чувства обиды отвѣтилъ Нилычъ. — Моихъ лѣтъ будетъ. Въ прошломъ году еще, слава Тебѣ Господи, живъ и крѣпкій былъ... Встрѣлъ его въ Курскомъ... Въ отставкѣ... На пенсіонѣ... И призналъ... Вспомнилъ, какъ мы вмѣстѣ на бригѣ бились... И велѣлъ на квартиру зайти. Зашелъ. Вижу, какъ и я, одинокій живетъ. Жены видно не подобралъ по своему понятію... Оно и лучше, ежели по душѣ не нашелъ. Ни ссоры, ни обиды въ домѣ нѣтъ. Своему старому слугѣ велѣлъ поднести мнѣ водки и накормить. А чай къ себѣ позвалъ... И съ ромомъ... О „Проворномъ“ припомнилъ... спрашивалъ, по какой части я находился послѣ отставки... „Пробираюсь, молъ, въ теплыя мѣста... Бродяжить, молъ, въ охотку... Гдѣ поработаешь и айда“... Который человекъ не въ просторномъ разсудкѣ и не пойметъ, что мнѣ такъ душевно, чѣмъ жить примѣрно въ швейцарахъ или въ сторожахъ, — такъ сейчасъ за свою хлѣбъ-соль начнетъ зудить да обсуживать, что живешь не по порядку, какъ все прочіе, — а Сергѣй Сергѣичъ башковать и доберъ... Не обезсуживалъ... Ни однимъ словомъ... И на прощанье наказывалъ безпремѣнно

зайти, ежели въ Курскомъ буду... То-то оно и есть...
Дай Богъ здоровья и покоя Сергѣю Сергѣичу!—
сердечно прибавилъ Нилычъ.

III.

— Первое же лѣто, слава Тебѣ, Господи, я началъ понимать матросскую службу. И качки не боялся. На то, молъ, и матросъ, чтобы къ качкѣ привыкъ и зря не боялся. И полагаю я такъ, вашескобродіе: всякій человѣкъ, какой не считаетъ себя отчаяннымъ, боится моря. Только одинъ боится зря, безъ разсудка, а другой—съ разсудкомъ. Понимаетъ, когда бѣда. Но понимай, не понимай, да трусу не праздноуй. Не сухопутье. Не уйдешь отъ бури. Съ ей справляйся. Въ работѣ и страхъ легче. Не даромъ на людяхъ и смерть красна. Какъ въ Балтинскомъ въ первый разъ увидалъ я злущую волну, душа замерла. Жду—захлестнетъ. Бригъ-то маленькій, волна высокая. Однако вижу: „Проворный“ только поднимается, да опускается съ волны на волну и только отряхивается, ровно утка, отъ воды, когда верхушка

попадаетъ на бакъ. И опять-же смотрю: и боцманъ Арсентьичъ и другіе матросы какъ ни въ чемъ не бывало. Чѣмъ-же, молъ, я хуже другихъ!.. Страхъ и проходилъ. И боцманъ и матросы видятъ, что стараюсь войти въ понятіе и не лодырничая. И легче мнѣ стало привыкать. И первое лѣто проходили мы на „Проворномъ“ благополучно. А на слѣдующее лѣто самъ Александра Никитичъ, старшій штурманъ, назначилъ меня рулевымъ подручнымъ. „Ты, говоритъ, Лоховъ, башковатый матросъ!“ Довѣрилъ, значитъ, моему понятію. И Арсентьичъ обнадежилъ. „По твоей, говоритъ, должности рѣдко когда „Павка“ прикажитъ тебя отодрать. Только, говоритъ, не зѣвай на штурвалъ!“—И какъ сталъ я, вашескобродіе, на руль, обсмотрѣлъ я настояще и капитана, и старшаго офицера, и штурмана Александра Никитича и прочихъ офицеровъ, на вахтѣ. Потому завсегда они около, на подуютъ, а штурвалъ подъ имъ. Много смекаешь и понимаешь больше людей. И тутъ я и обмозговаль, что нѣтъ въ капитанѣ настоящей флотской отчаянности. Только о себѣ полагаетъ и себя хочетъ показать, какой онъ такой отчаянный, какъ

онъ „Проворнымъ“ управляется и какая у него обученная команда. И форснуть любилъ, какъ ежели въ морѣ не очень свѣжо... А какъ ежели вѣтеръ форменно задуесть, и мы идемъ одни, не въ эскадрѣ, значить, „Павка“ сейчасъ прикажетъ паруса уменьшить, да третій рифъ брать. Другой командиръ жарить себѣ и безъ рифовъ, а „Павка“ зря опасается... Очень трусливая была въ емъ душа. А скрывалъ. Конфузно то при людяхъ... И обижался, ежели старшій офицеръ во всемъ своемъ подчиненномъ уваженіи попроситъ повременить брать рифы или—къ примѣру сказать—убрать брамсели.

— Что же капитанъ?

— Извѣстно, что. „Павка“ и есть, вашескобродіе. Надуется, хвостъ распустишь и безо всякаго крика, очень даже тихо отчекрыжитъ: „Когда,—говорить,—вы, Сергѣй Сергѣичъ, будете командиромъ, какъ вамъ, молъ, вгодно. А здѣсь,—говорить,—я есть командиръ и отвѣчаю за бригъ!“

— А что старшій офицеръ?

— Раза два пробовалъ и бросилъ связываться... „Что, молъ, съ тобой бабой-командиромъ зря разго-

варивать!“ Сказывать ему не осмѣливался, а видно, что такъ понимали „Павку“ и Сергѣй Сергѣичъ, и Александра Никитичъ, и всѣ прочіе офицеры... Всѣмъ было зазорно за „Проворнаго“... И мнѣ, вродѣ какъ обидно, вашескобродіе, даромъ, что только начиналъ понимать флотскую службу.

— А вамъ, Нилычъ, за что было обидно?

— Да какъ же, вашескобродіе! Бывало, по настоящему, жарить бы „Проворному“ подъ всѣми парусами, безо всякой опаски, узловъ по десяти въ полъ-вѣтра, а онъ ползеть по три, по четыре узла, съ позволенія сказать, вродѣ какъ насѣкомое... А „Проворный“ могъ бы кличку оправдать... Отлично ходилъ... Послушливый былъ... даже щекотливый къ рулю. Доброе, ласковое было судно... Не въ тѣ руки попасть бы „Проворному“... А вмѣсто того...

И Нилычъ словно бы догадался, что я нетерпѣливо жду разсказа о томъ, какъ Нилычъ „вспоминалъ Бога“, вдругъ оборвалъ рѣчь и промолвилъ:

— Не обезсудьте, вашескобродіе, старика... Языкъ-то распустилъ, какъ старину вспомнилъ... Сей се-

кундъ обскажу, какъ это мы въ отчаянность пришли у Гогланъ острова... Дозвольте только трубчонкой заняться... Горло прочистить.

IV.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ, откашлялся и началъ:

— То-то и есть вода, вашескобродіе! И очень даже всѣ обрадовались, когда пошли въ Кронштадтъ на зимовку. Слава Богу, пять мѣсяцевъ шатались по Финскому заливу на флотскомъ положеніи. Все тебѣ: вода да вода. И ходи по другому, по палубѣ въ качку. И ночи не досыпай. И завсегда будь на чеку. Опасайся оплошки... Опасайся строгости... Одно слово, вовсе непривычная жизнь... Вѣдь чловѣкъ тварь сухопутная, вашескобродіе... И на сухопутѣ лестнѣ русскому чловѣку... А ежели семейный—еще лестнѣ... При своихъ, въ близости... Такъ я полагаю, вашескобродіе... И въ дальнюю ходилъ... И форменнымъ боцманомъ былъ... И харчъ хорошій... А много, бывало, тосковалъ по землѣ...

И какъ вышла отставка, вотъ, какъ изволите видѣть, весь я тутъ... И слава тебѣ, Господи!.. Носить ноги... Много мѣстъ повидалъ и по вольной волѣ живу теперь... Пропитывай только себя и не забижай людей... Главное, дитю. Долго ли его забидѣть. И душа не тоскуеть, какъ прежде... То-то она и есть свою воля, вашескобродіе!..

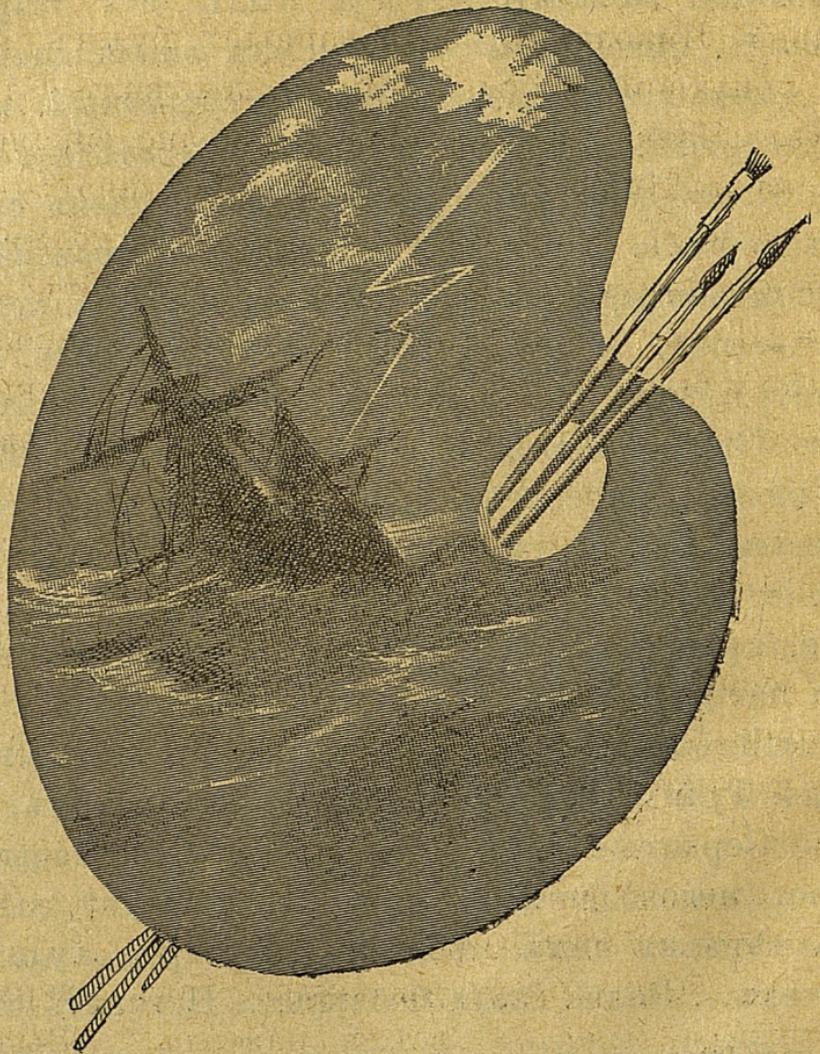
И, сѣдой какъ лунь, Нилычъ, словно бы просвѣтлѣлъ. Глаза его оживились. Вся его сухощавая небольшая фигура дышала бодростью и силой.

— Какъ подняли въ Ревельской гавани якорь на разсвѣтѣ, въ позднюю осень, перекрестились... Погода была хоть и мокрая—дождь и облачно, а вѣтеръ прямо-таки намъ попутный, и въ гавани не оказывалъ, чтобы очень свѣжій. „Павкъ“ и на руку. Доволенъ. Поставили мы на свои двѣ мачты марселя, брамсели, гротъ и фокъ, подняли всѣ кливера и... айда изъ гавани. И обнадежены, ежели хорошимъ пойдемъ ходомъ, черезъ сутки — отдадимъ якорь въ Кронштадтѣ и потомъ „Проворнаго“ въ гавань... разоружимъ его въ недѣлю и на берегъ—въ казармы... Какъ вышли, вѣтеръ оказался посвѣжѣй...

И зайчикъ по морю. Однако, „Павка“ ничего... Сказывали — невѣста у его была — адмиральская дочь въ Кронштадтѣ, такъ и самъ торопился... И такимъ родомъ пробѣжали мы между острововъ, обогнули банки и взяли вправо, на широкую дорогу въ Кронштадтъ, мимо „Гогланъ“ острова, что какъ разъ на полъ-дорогѣ, на прямой пути. Приказанъ рулевымъ курцъ, и „Проворный“ забралъ ходу... Понесся въ бакштанъ узловъ по девяти... Только слегка накренившись, раскачивался... А въ открытомъ морѣ вѣтеръ больше свѣжѣлъ... И волна зашумѣла... и большая... и словно злющая стала... Кипитъ и на верхахъ вся бѣлая... Брызги такъ и летятъ на бакъ... А прозѣвай на рулѣ, — такъ и верхушка вкатится, да и уйдетъ въ море назадъ... Однако, жаримъ... Смотрю на „Павку“ и диву даюсь... „Брамсели, молъ, не велитъ убирать“... И пошелъ онъ въ свою каюту пить чай... А старшій офицеръ и Александра Никитичъ — старшій штурманъ переглянулись только и усмѣхнулись... „Ишь, молъ, каковъ „Павка“! Зря не празднуетъ труса!“ И спустились въ каютъ-кампанію. А наверху остался мичманъ...

Прозвище запомнилъ, а былъ онъ Каръ Карычъ *), бѣлобрысый весь и изъ финляндцевъ. Во все молодой, лѣтъ двадцати, а серьезный и даже угрюмый. Молчалъ больше. А драться не дрался... И съ флотскимъ понятіемъ. И очень справедливый былъ. Хорошо. Не прошло и полъ-склянки, какъ командиръ вышелъ. Въ тепломъ пальтѣ обряженъ—зябко и очень пронзительная была погода. Осмотрѣлъ паруса и велѣлъ брамсели убрать. Убрали. Опять постоялъ и приказалъ Каръ Карычу два рифа у марселей взять и фокъ и гротъ убрать. Вызвали: „всѣхъ наверхъ“. Взяли два рифа и убрали нижніе паруса. Ушелъ „Павка“. Недолго, вашескобродіе, храбрился. „Проворный“ пошелъ тише. Бросили лагъ. Четыре узла. Зря ползъ. Однако, къ полдню зюйдъ-вестъ сталъ крѣпчать. И кругомъ мглисто. Дождь. Тучи... Вышелъ Лександра Никитичъ, штурманъ. Сердитый сталъ. Все на море поглядываетъ. Видно, недоволенъ погодой... И „Павка“ вышелъ. Ужъ нѣтъ въ немъ амбиціи... Вѣтеръ гудитъ въ снастяхъ... Волна сзади большая... Нагонять стала...

*) Оскаръ Оскаровичъ.

Верхушка вкатывалась. „Дозвольте фокъ поставить, Андрей Николаичъ: „Проворный“ будетъ уходить отъ попутной волны!“—вдругъ доложилъ Каръ Карычъ. „Павка“ не согласился. Однако спрашиваетъ Лександру Никитича: „Сколько до Гохлана?“—„Пятьдесятъ, молъ, миль. Къ ночи проходить должны Гохланъ при такомъ ходѣ.“—„Барометъ падаетъ!“—говорить „Павка“.—„Маленько есть, Андрей Николаичъ!“—„Какъ бы не заштурмовали, Лександра Никитичъ“. „Можетъ и заштурмуетъ... А пока что свѣжій вѣтеръ... „Проворный“ могъ бы имъ упользоваться“... Замолчали. „Павка“ видно въ разстройкѣ—не рѣшается. Однако приказалъ поставить зарифленный фокъ... Опять „Проворный“ забралъ ходу... И сталъ убѣгать отъ волны... Смѣнился я, вашескобродіе, пообѣдалъ и пошелъ спать... На руль приходилось итти съ шести до полуночи...

V.

Нилычъ передохнулъ и продолжалъ:

— Не бойсь, сразу проснулся, какъ сверху зыкнулъ Арсентьичъ: „всѣхъ наверхъ!“ Вылетѣлъ.

„Проворный“ идетъ себѣ ходомъ... А погода—страсть. Совсѣмъ почти темень кругомъ — а еще шести не было... И дождь со снѣгомъ... И вѣтеръ здоровый... „Павка“ итти впередъ и опасался. Велѣлъ онъ спустить брамъ-стенъги, убрать фокъ и марсели и поставить триселя, штормовую бизань и стаксель. Привели, значить, къ вѣтру и легли на правый галсъ, въ крутой бейдевиндъ. А вѣтеръ сбоку еще больше гудить и набрасывается на „Проворнаго“... Кренить его. Ходу впередъ почти и нѣтъ... Раскачивается, значить, бригъ и больше бокомъ дрейфуетъ. Сталъ я на руль—пробило восемь склянокъ,—а на полуютъ и капитанъ, и Лександра Никитичъ, и вахтенный лейтенантъ Баскинъ... И всѣ смотрятъ, не покажется ли огонь маяка... Такъ часъ прошелъ... Не видно огня. А „Павка“—отъ свѣта изъ компаса на полуютъ лицо оказываетъ, что онъ вродѣ какъ въ растерянности—къ Лександру Никитичу.—„Пора бы огню?..“—Штурманъ въ отвѣтъ: „То-то не видно“. И сердито прибавилъ: „Шли бы раньше ходомъ—прошли бы маякъ. Докладывалъ... А теперь путаемся... Неизвѣстно гдѣ“... „Павка“

молчить... А вѣтеръ крѣпчаетъ... Ни зги кругомъ... А по расчету должны мы въ близости отъ Гохлана... Пришелъ и Сергѣй Сергѣичъ. Доложилъ, что все въ исправности на палубѣ и внизу по случаю крѣпкаго вѣтра и спустился съ Александромъ Никитичемъ къ штурвалу. Постояли подъ полуютомъ... Въ дождевикахъ и зюйдъ-весткахъ погрѣлись и наверхъ. Сергѣй Сергѣичъ опять что-то докладывалъ капитану. За шумомъ неслышно было... Потомъ ужъ узнали, что старшій офицеръ и штурманъ докладывали, что вѣтеръ можетъ сносить къ острову... Надо, молъ, лучше бросить якорь, коли капитанъ опасается подъ зарифленными марселями дать брига ходить... „Павка“ видно не зналъ, на что ему рѣшиться... Блеснулъ будто огонь вправо... И онъ, какъ зарѣзанный: „Право на бортъ!“ Переложили руля... „Проворный“ бросился влѣво... Дали поворотъ и на другой галсъ... А огня не видать... Померещилось-ли... съ купца ли огонь былъ—Богъ его знаетъ... И сталъ метаться „Павка“... То на одинъ галсъ, то на другой... Вовсе сбиль себя... И замоталъ команду поворотами... Огней не видать, а

Лександра Никитичъ стоитъ и въ темень всматривается... Да что увидишь?.. Однако, вашескобродіе, никакой опаски еще не думали... Вдругъ... налетѣлъ шквалъ... Повалило бригъ... Полетѣлъ... Тогда жутко стало... Замеръ духъ... И въ мысли: а какъ на каменя?.. И такъ минута... другая—неизвѣстно сколько. Съ полуюта нѣтъ капитанской команды. И ужъ Сергѣй Сергѣичъ во весь голосъ: „Трисея долой... Бизань и стаксель долой“... Убрали... И подъ снастями бригъ дуетъ... Какъ онъ сразу весь точно пополамъ... Такой трескъ... Съ ногъ сшибло... Матросы только ахнули... Вотъ, молъ, она смерть. Однако, держусь за штурвалъ... А бригъ прыгаетъ... лѣзетъ по камнямъ... и бьется... Пролетѣлъ шквалъ... Остановился „Проворный“. Пробую руль... Не дѣйствуетъ. Сломанъ, значитъ. „Вода въ трюмъ“!—крикнулъ Арсентьичъ.—„Павка“ точно безъ голоса и въ каюту... И опять Сергѣй Сергѣичъ сталъ вызволять... Заоралъ: „Смирно, ребята... Не бойсь! Отдать якорь! Другой! рубить мачты... Живо! Фонарей! Къ помпамъ!“ И обнадежилъ, нашелся... Сталъ распоряжаться... Послалъ Каръ Карыча въ крюйтъ-

камеру и велѣлъ палить изъ орудія. Бѣдуемъ, молъ! И принялись мы, вашескобродіе, за работу... Видимъ—крышка намъ... а стараемся... Надежду, значитъ, кормимъ... Ну и Сергѣй Сергѣичъ голубчикъ вездѣ поспѣвалъ. Обнадеживалъ. И прочіе офицеры вмѣстѣ съ матросами. Подбадриваютъ. А боцманъ Арсентьичъ по своему обнадеживалъ. Чуть увидитъ матроса въ тоскѣ и вмѣсто работы охаетъ—сейчасъ въ кровь. „Пока живъ, не лодырничай. Умремъ—тогда будемъ лодырничать.“ И наваливались на помпы. А вода все прибываетъ... Бьется нашъ „Проворный“... Вотъ, вотъ—и потопнетъ... А ночи еще долго... И гдѣ находимся—неизвѣстно... А все старались... И Бога вспоминали... И думалъ я про себя, что скоро смерть. Однако не смѣлъ сказать... У Арсентьича рука была тяжелая, вашескобродіе... Да и зазорно передъ своими... Умѣй, молъ, умерать, коли смерть пришла. Не уйдешь!—рѣшительно проговорилъ Нилычъ и примолкъ.

— А гдѣ же вашъ „Павка“ былъ?

— Въ своей каютѣ сперва метался... вовсе растерянный. Его вѣстовой послѣ сказывалъ, въ какой

онъ былъ жалкости. Это прибѣжалъ сверху, давай деньги свои совать въ карманы. Велѣлъ вѣстовому скорѣй уложить чемоданъ съ вещами и къ образу... на колѣни... плакалъ... Вскочилъ и заметался... А въ каютѣ вода... И тую жъ минуту Александра Никитичъ... Пришелъ собирать струментъ свой, сектантъ значить, и морскія карты... И не глядитъ на капитана... Не хорошо, молъ. Видитъ казенный сундукъ неубранный и крикнулъ капитанскому вѣстовому: „Живо сундукъ на верхъ! Казенныя деньги поважнѣй капитанскихъ вещей“. „Павка“ ни слова и на верхъ... Сталъ на полують... Молчитъ... Словно пассажиръ... Въ страхѣ крестится... Одно слово во всей формѣ себя оказалъ, вашескобродіе! Людей все забылъ... Только о себѣ опасался... Ни разу во всю свою службу не видалъ такого капитана... Ему бы по присягѣ примѣръ подавать—свое судно и людей спасать, а онъ...

И, словно не находя словъ, Нилычъ плюнулъ.

— Ну и ночь была, вашескобродіе... Какъ вспомнишь... Конца не было ночи! Вода подъ палубу подошла... Мѣстами выпирало ее. Волны перекатыва-

лись... По колѣни въ водѣ... Мерзли. И трудно было работать... Того и гляди—смоетъ. И нѣсколько ребятъ смыло. А двое первогодки, вовсе молодые матросики, въ отчаянности бросились въ воду—хотѣли спастись вплавь... А куда—развѣ вздумали въ тоскѣ? За ими еще двое хотѣли броситься. Такъ Сергѣй Сергѣичъ увидалъ и сталъ уговаривать. А они голосомъ: „Дозвольте, ваше благородіе“! Вовсе обезумѣвшіе. Такъ Арсентьичъ наскочилъ и бытто сердитый пригрозилъ, что искровянитъ... Такъ вѣдь испугались и жить захотѣли пока что!.. А всѣ мы приунывать стали... Только голубчикъ Сергѣй Сергѣичъ бытто и не унываетъ. Тутъ онъ весь и оказался, какъ за людей безпокоился. И все о спасеніи придумывалъ и работой насъ занималъ. Приказалъ приготовить къ борту срубленные мачты, велѣлъ бросать за подвѣтренный бортъ нижнія реи, рангоутъ, доски, койки... И самъ тутъ около насъ... зазябшій въ одномъ кожанѣ... И все обнадеживалъ... „Цѣлы, моль, будемъ. На берегъ доберемся, братцы!“ И такъ весело говорить. Однако ужъ вѣры мало... Работали безъ надежды... Вотъ, вотъ „Проворный“ въ щепы.

Подъ конецъ и работать было нельзя... И обезсилѣли... И зазябли... И Арсентьичъ притихъ, не ругался... Всѣ мы сбились ближе къ кормѣ... „Проворный“ бился... Кругомъ гуль отъ буруна... Молчимъ... Ждемъ смерти... Жутко, вашескобродіе!

Нилычъ на минуту примолкъ и потомъ отрывистѣе и торопливѣе заговорилъ:

VI.

— Забрязжило... Увидали вблизи высокой скалу... Гоглана... а передъ ей островки и камня... Много ихъ... И бурунъ по имъ... Пѣвнися... Однако обрадовались. Обнадежились... А ужъ Сергѣй Сергѣичъ кричитъ: „Зря не бросайся... Слушай меня... Всѣ спасемся!“ И кликнулъ охотниковъ на шестеркъ отвести на берегъ перлинь *) и закрѣпить тамъ. Первымъ вызвался Каръ Карычъ и съ имъ шесть матросовъ... Перекрестились мы, какъ завертѣлась шлюпка въ волнахъ. Однако показывается между волнъ. Каръ Карычъ наровить между каменьевъ.

*) Пеньковый канатъ.

И на глазахъ завертѣлась и скрылась. И всё потоп-
ли. Перекрестились мы въ тоскѣ. Видимъ, свѣта-
еть, а все равно погибать. А нашъ-то Арсентьичъ

долгой кожанъ, обвязался длиннымъ концомъ и по
мачтѣ—уперлась, значить, она на камнѣ, около
насъ—пробѣжалъ до камня и въ воду... Поплылъ...
На островкахъ отдохнетъ и дальше... Выплылъ таки

на берегъ... Закричали уру... Арсентьичъ тащить за конецъ перлинь. Укрѣпилъ и назадъ на бригъ. Дрожить, замерзъ, а самъ веселый... Ругается, такъ и сыпетъ. Торопитъ съ Сергѣй Сергѣичемъ переправу... Ужъ носъ вовсе въ водѣ. Заливаетъ. Очередь Сергѣй Сергѣичъ назначилъ. Первымъ дѣломъ отправилъ двухъ больныхъ и двадцать матросовъ съ фершаломъ. Торопитъ. И безъ того побѣжали. Только не всѣ перебрались... Коихъ и сбросило въ воду. Побѣжалъ и я во второй очереди. А съ ей и капитанъ ввязался. По болѣзни бытто. И вдругъ „Проворный“ сталъ тонуть. „Братцы!.. живо!“ — Это Сергѣй Сергѣичъ, а самъ не спасается, еще стоитъ на борту. И тутъ о другихъ думалъ. Всѣ сразу бросились на переправу, а мачта изъ-подъ ногъ... Съ камня на шлюпку, по перлиню. Стопились. Многіе попадали въ воду. Коихъ на каменьяхъ убило. Кои потопли. Арсентьичъ двухъ спасъ, и Кирѣевъ формарсовой капитана на плечахъ вынесъ. Пожалѣлъ. А часто изъ-за „Павки“ Кирѣева пороли. Не бойсь, за зло добромъ, вашескобродіе!.. Выбрались на берегъ мокрые, иззябшіе, ровно обезумѣли отъ радости.

Живы... Собрались въ кучу. Арсентьичъ сосчиталъ... Всего тридцать человекъ. Половины нѣтъ. Потопли. И офицеровъ всего трое: капитанъ, старшій офицеръ, да штурманъ. А „Проворнаго“ ужъ и званія нѣтъ. Помолились Богу и пошли искать на островѣ жилья. А „Павка“ пошелъ съ вѣстовымъ особо. Видно, стыдно было на людей смотрѣть.

Нилычъ смолкъ.

— Легко присудили „Павку“!—промолвилъ Нилычъ.

— Отчего? Вѣдь по закону строго приговариваютъ капитановъ!—замѣтилъ я.

— То-то и есть, что надѣли бы на „Павку“ матросскую куртку... Да мы не показали на слѣдствіи всей его трусости. Молъ, въ болѣзни находился.

— Почему?

— Ужъ очень онъ послѣ того потерянный былъ... И даромъ, что тридцати пяти лѣтъ былъ, а равно старикомъ сталъ. Потрясеніе значитъ. Ну и пожалѣли!—прибавилъ Нилычъ.

Конецъ.

Банштанъ—толстыя веревки, удерживающія съ боковъ рангоутъ.

Бакъ—передняя часть судна.

Банна—родъ песчаной отмели, мѣшающей плаванью кораблей.

Бейдевиндъ—(идти въ бейдевиндъ)—лавировать, идти вкось.

Барнасъ—самое большое гребное судно.

Бизань—парусъ, поднимаемый на задней мачтѣ.

Бонанцы—деревянные или желѣзные брусья, на которыхъ висятъ гребныя суда.

Бортъ—бокъ корабля.

Боцманъ—старшій унтеръ-офицеръ на кораблѣ.

Брамсель—парусъ на брамъ-стеннгѣ.

Брамъ-стеннга—прямое круглое дерево, служащее продолженіемъ мачты.

Вахта—дежурство на судахъ: 4-хъ или 6-ти часовой промежутокъ, на который вступаетъ на дежурство навѣрхъ офицеръ (вахтенный начальникъ) и съ имъ половина команды. Сутки дѣлятся на 5 вахтъ. Смѣнившіеся съ вахты наз. подвахтенными.

Вельботъ—легкая шлюпка съ острымъ носомъ и кормой, въ 5—6 весель. Смотря для кого служить, называется адмиральскимъ, капитанскимъ и пр.

Галсъ—а) положеніе плывущаго корабля относительно вѣтра; б) веревка, натягивающая паруса.

Гротъ—нижній парусъ средней мачты.

Дрейфоватъ—пятиться по вѣтру, когда якорь не хорошо держитъ.

Дрейфъ (лечь на дрейфъ)—поставить паруса такъ, что отъ дѣйствія вѣтра на одно изъ нихъ судно идетъ впередъ,

а отъ дѣйствія другихъ пятится назадъ, т. е. остается почти на одномъ мѣстѣ.

Зюйдъ-вестъ—юго-востокъ.

Капитанъ—начальникъ судна.

Катеръ—гребное судно съ мачтой, которую можно ставить или снимать по надобности.

Каютъ-кампаня—общая каюта, салонъ для офицеровъ.

Кливеръ—судно съ тремя мачтами и острыми боками, отличающееся отъ другихъ быстротой хода.

Крюптъ-камера—мѣсто храненія пороха и др. воспламеняющихся вещей.

Купецъ—купеческое судно.

Лагъ—инструментъ, служащій для измѣренія проплытаго разстоянія.

Линекъ—толстая веревка, служащая для наказаній.

Марсель—парусъ, который ставится между марса-реемъ и нижнимъ реемъ.

Мачта—круглое дерево, на которое ставятся паруса. Бываютъ мачты и металлическія. Бизань-мачта—самая задняя мачта; гротъ мачта—средняя; фокъ мачта—передняя.

Мичманъ—младшій морской чинъ.

Помпа—насосъ.

Поль-склянки—четверть часа.

Поручень—деревянный или металлическій брусъ, прикрѣпленный къ стойкамъ у лѣстницъ и мостиковъ.

Рангоутъ—круглыя дерева, на которыхъ ставятся паруса.

Рей—рангоутное дерево, подвѣшенное за середину къ мачтѣ и служащее для привязыванія паруса.

Объясненіе морскихъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ настоящимъ разсказѣ.

(Составлено по Морскому словарю В. В. Вахтина).

Рифъ—груда камней на поверхности воды или подъ водой.

Рифъ—веревка у паруса или рядъ ихъ, посредствомъ которыхъ площадь паруса уменьшается; взять рифы—уменьшить паруса, отдать рифы—увеличить паруса.

Рулъ—нѣсколько соединенныхъ между собой брусевъ, перпендикулярныхъ въ водѣ, посредствомъ которыхъ корабль приводится въ нужное направленіе.

Стансели—треугольные паруса; смотря по мѣсту, назыв.: гротъ-брамъ-стаксель, фокъ-стаксель и т. д.

Транспортъ—перевозочное судно.

Трисель—косой четырехугольный парусъ, ставящійся на мачтѣ.

Узель—величина, которою измѣряется пройденное кораблемъ разстояніе. Узель равняется приблизительно $1\frac{1}{2}$ верстамъ.

Фокъ—самый нижній парусъ на передней мачтѣ.

Шнанцы—часть верхней палубы военного судна отъ гротъ-мачты до бизань-мачты.

Штиль—безвѣтріе. *Штилевать*—не двигаться за отсутствіемъ вѣтра.

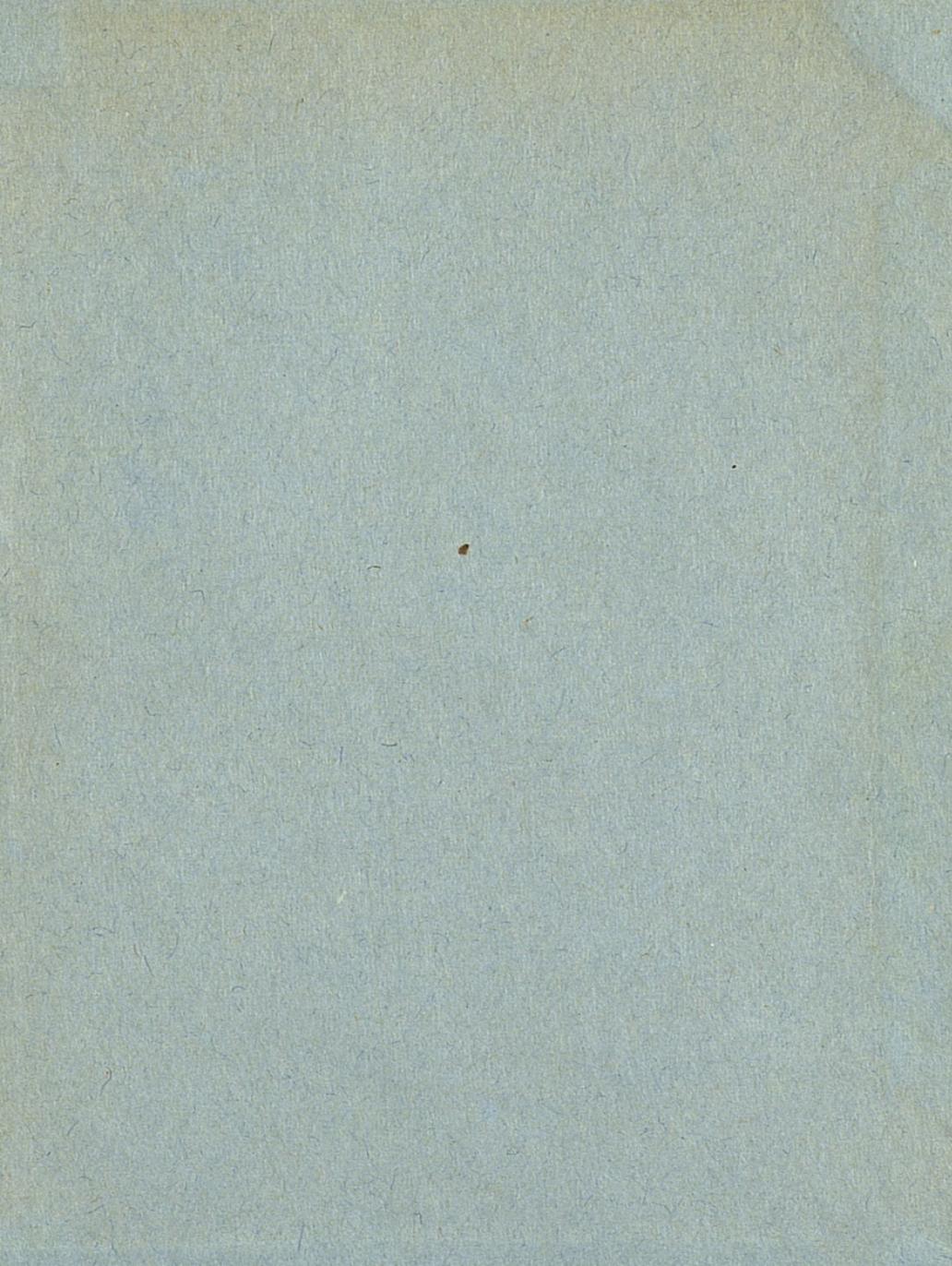
Штурвалъ—механическое устройство для поворачиванія руля.

Штурманъ—На немъ лежатъ обязанности: счисленія пути судна, присмотръ за хронометрами и другими приборами. Теперь въ военномъ флотѣ штурмана упряднены и ихъ обязанности исполняютъ морскіе офицеры.

Экваторъ—равноденственная линія, мысленно проводимая черезъ центръ земли и дѣлящая ее на двѣ половины—сѣверную и южную.

Ютъ—кормовая часть верхней палубы, сади бизань-мачты.

- № 27. Карамзинъ. „Повѣсти“. М. 99 г. Ц. 20 к.
- № 28.—„Наталья боярская дочь“. Пов. Ц. 5 к.
- № 29. Митропольскій. „Мятель“. Раз. Съ рис. Ц. 3 к.
- № 30. Андерсенъ. „Гадкій утенокъ“. Съ рис. Ц. 5 к.
- № 31. Черскій. Св. Нина, „Провсвѣтительница Грузиѣ“. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
- № 32. Св. Филаретъ Милостивый. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
- № 33. Св. Елизавета Тюрингенская. Изд. 2-е. Съ 2 рис. Ц. 5 к.
- № 34.—„Божья воля“. Разск. Ц. 10 к.
- № 35. Лебуле. Петруша. Ц. 5 к.
- № 36. Чеховъ, Ан. Вѣлолобый. Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 3 к.
- № 37. Братья Гриммъ. Золотой гусь. Сказ. Съ рис. Ц. 3 к.
- № 38. Толстой, Л. Н. Кавказскій плѣнникъ. Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.
- № 39. Ксавье-де-Местръ. Параша Сибирячка. Ист. раз. Съ рисун. М. 99 г. Ц. 10 к.
- № 40. Разиной. Первые подвижки земли Русской. Ц. 10 к.
- № 41. Орнешко, Эл. Могучій Симеонъ. Разск. М. 99 г. Ц. 10 к.
- № 42. Э. де-Амичись. Отцовская сдѣлка. Разск. Съ 2 рис. М. 98 г. Ц. 4 к.
- № 43. Черскій, Л. Ф. Подвигъ. Грузинское преданіе. Изд. 2-е. М. 99 г. Ц. 5 к.
- № 44. Черскій, Л. Ф. Милосердіе. Восточное сказаніе. М. 99 г. Ц. 5 к.
- № 45.—Солнышко Тоуэра. Ист. разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 5 к.
- № 46.—Стрѣлочникъ Лизъ изъ раз. Джени Ледлоу, М. 98 г., п. 5 к.
- № 47. Юноша, Кл. Дѣдушкнѣй питомецъ. Разск. Съ рис. М. 99 г. Ц. 15 к.
- № 48. Дода, Ал. Козочка господина Сегена. М. 99 г. Ц. 3 к.
- № 49. Динкенсъ. Скрыга Скруджъ. Изд. 2-е. М. 99 г. Ц. 20 к.
- № 50. Э. де-Амичись. Дѣвочка, спасшая поѣздъ. Разск. М. 99 г. Ц. 3 к.
- № 51. Разинъ. Разоренный голъ. Ц. 20 к.
- № 52.—Гетманъ Степанъ Острица. Ц. 20 к.
- № 53. Голова. Петина просьба п. 5 к.
- № 54. Козловъ. Три поэмы п. 15 к.
- № 55. Корнифскій. Пасха царя Алексѣя, п. 5 к.
- № 56. По, Эд. Золотой жукъ. п. 10 к.
- № 57. Золя, Э. Любовь къ животнымъ, п. 10 к.
- № 58. Гребенна. Записки студента. Путевыя записки зайца п. 15 к.
- № 59. Толстой, Л. Н. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, п. 3.
- № 60. Никольскій. Послѣдняя пуля. Раз. п. 5 к.
- № 61. Его же Михрютка. Расказъ, п. 10 к.
- № 62. Сысоевъ, А. В. Работникъ Оома, п. 10 к.
- № 63. Его же. Счастье Онуфрича, п. 10 к.
- № 64. Иванинъ. Денщикъ Лаврушка. Ист. раз., п. 10 к.
- № 65. Митропольскій. Евпатіѣ Коловратъ. Ист. раз., п. 10 к.
- № 66. Тепловъ. Иванъ Калита, собиратель земли русской Ист. очеркъ, п. 10 к.
- № 67. де-Амичись, Э. Сынъ полка. Разск., п. 10 к.

2007067265